

УДК 656+159.98

Арпентьева М.Р., профессор

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

ПРОБЛЕМАТИКА ДЕФОРМАЦИЙ ЛИЧНОСТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И КОРРЕКЦИЯ

Введение. Современный мир находится перед угрозой начала новой мировой войны и превращения массового насилия в виде войн и террористических актов в системный геноцид наций и всего человечества. Количество жертв в разной мере локальных, интенсивных и длительных военных конфликтов и террористических актов, многоуровневых коррупционных пирамид, обслуживающих интересы немногочисленной «элиты» богатейших людей мира, все возрастает. Возрастает и запрос на своевременное и эффективное оказание медицинской, социальной и психологической поддержки населению, особенно в ситуации оказавшегося практически тотальным военного стресса, проявляющегося и в форме посттравматических стрессовых расстройств, и форме иных нарушений духовно-нравственной, ценностно-смысовой и поведенческой, интерактивной сторон жизни личностей и групп, формирование личностей и отношений «безопасного типа». Проблема обеспечения личной безопасности сотрудников МЧС и иных специалистов, участвующих в более или менее постоянных военных, антитеррористических и спасательных операциях, имеет особую актуальность в связи с особенностями их профессиональной деятельности. В сложившихся условиях всеобщей социальной напряженности, характерной чертой которой рост числа техногенных и природных катастроф, несчастных случаев, успешность действий сотрудников МЧС в экстремальных ситуациях во многом зависит от того, какие действия предпринимал сотрудник по обеспечению своей личной безопасности, а также безопасности остальных участников операции (групповая безопасность), первичных и вторичных жертв катастроф.

Основная часть. Безопасность часто определяется как защищенность. М.А. Котик понимает под защищенностью человека от опасности в том числе в его профессиональной деятельности, способность человека не создавать опасные ситуации, а в случае их возникновения (по вине субъекта или независимо от него) – успешно противодействовать им [1; 2]. Он выделяет три типа защищенности. Первый тип – базовая защищенность, которая зависит от комплекса природных психофизиологических качеств. Второй тип – индивидуальная защищенность. Она зависит, кроме психофизиологических, и от социальных и профессиональных качеств, а также от состояния человека, его мотивации, механизмов саморегуляции. Защищенность человека при оценке опасных ситуаций может определяться как способность не допускать ошибок, чреватых еще более опасными последствиями. Кроме того, она может определяться и

как способность противостоять случайным, незапрограммированным фактам, например опасностям, неожиданно возникающим в деятельности. Безопасная деятельность является результатом не столько противодействия человека опасностям, сколько проявлением его возможностей не порождать своей деятельностью эти опасности. Различается также адекватная и неадекватная защищенность. Под адекватной защищенностью подразумевается психическое состояние личности, которое проявляется в способности противостоять отрицательным явлениям окружающей среды или внутренним побуждениям, ведущим к отрицательным проявлениям в деятельности и в поступках, способных вызвать отрицательные изменения в структуре личности, в характеристике её черт и качеств. Под неадекватной защищенностью – психическое состояние, которое проявляется в способности «сохранять удовлетворяющее отношение к себе, искаженные потребности, установки и стремления», несмотря на отрицательные оценки общества. Причем, критерием позитивности является полезность для общества. К.Г. Хойос рассматривает проблему безопасности как сложного социального явления, охватывающего задачи управления, руководителей, и обязанности работников, подчиненных. Он предлагает включить в понятие «психология безопасности человека» более высокие категории, связанные с гражданственной ориентацией на проблему человека как высшей ценности в существующем мире, как меры уровня технологии, культуры и просвещения в его соответствии утилитарному техническому прогрессу. В психологическом плане это означает повышение чувствительности общества к общей боли, к персональной и межиндивидуальной ответственности за последствия своих действий, своей необразованности, глухоты к тем, кем управляют, и кто составляет основание пирамиды благополучия всех [3].

Одной из ведущих задач в подготовке и реабилитации сотрудников спецслужб является воспитание и восстановление «личности безопасного типа» – которая может не только выживать в опасных ситуациях, но может и помочь выживать окружающим. Безопасность должна быть связана с другими ценностями (нравственность, ответственность, здоровье) и, наряду с ними, должна иметь для личности выраженный и осознанный «личностный смысл», выступая как условие сохранения как своей собственной жизни и психического здоровья, так и жизни, здоровья жертв катастроф. Профессиональное отношение к риску обеспечивается пониманием спасателями смысла своей работы: только при этом условии готовность к риску не становится стремлением к необдуманным рискованным действиям, опасным не только для самого «спасающего», но и для других людей, вовлеченных в экстремальную ситуацию. Необходимо понимание, осмысление личностью того, что безопасность каждого тесно связана с сохранением соматического и психического здоровья окружающих. Безопасность окружающих, общества в целом, таким образом, – функция соблюдения правил личной безопасности. Именно поэтому так велика роль психолога в работе спецслужб и в процессе реабилитации первичных и вторичных жертв чрезвычайных событий, катастроф и террактов, войн: специалистов и мирного

населения, ставшего жертвой многоуровневой пирамиды насилия, типичной для многих «демократических» стран.

Помощь им связана с обращением к профилактике и коррекции психосоциальных аспектов нарушений и болезней, особенно – болезней и нарушений психических, возникших в связи с переживанием различных, травмирующих психику и организм в целом, событий. Ярким примером таких событий являются участие в военных действиях, беженство, заложничество и пытки, произвол и коррупция, сталкинг и буллинг населения сотрудниками правоохранительных, образовательных, медицинских и иных государственных и общественных структур, иными заинтересованными лицами, участие в ликвидации последствий террористических актов и катастроф, вызванных как природными катализмами и неграмотным управлением производственными процессами, так и намеренным применением биоклиматического и иных видов оружия массового поражения т.д.. Другой пример – постоянное пребывание в странах, правительство которых поддерживает националистические и откровенно фашистские режимы, – в которых люди разделены на «граждан», «сепаратистов» и «временно проживающих»: люди живут в состоянии постоянной угрозы массового насилия и преследования, а также в состоянии постоянного насилия в отношении них со стороны властей. На территориях массовых «скоплений» таких «сепаратистов» ведутся необъявленные войны, организован системный сталкинг и буллинг инакомыслящих, не желающих уничтожать сограждан и даже тех, кто боясь преследований, пытается покинуть страну [4; 5; 6].

Специалисты, проводящие реабилитационные и профилактические мероприятия, имеют дело с сочетанием массового и индивидуального, прошлого и актуального насилия со стороны окружающих и государства, множественными трансординарными травмирующими событиями, в которых люди выступают и как объекты и как субъекты насилия [7]. При этом реальная картина настолько запутанная и сложна, что простые методы типа «собаке – собачья смерть», перестают работать: волны преступивших закон, поддерживаемые правительствами этих стран, безболезненно сменяют друг друга, а те, кто стал их жертвами часто самоуничтожается, не дождавшись «торжества справедливости».

Однако, травмирующие события являются лишь частью общей картины, внешним обстоятельством, которое сыграло или продолжает играть свою роль в болезненном процессе, но часто лишь маскирует истинную драму человеческих отношений. Внешнее событие, как бы жестоко оно не было, всегда наславливается на внутренние обстоятельства, включая знания и умения человека продуктивно вести себя по отношению к насилию. Эти знания и умения могут быть названы «культурой насилия» или «компетентностью по отношению к насилию». Они включают компетентность виктимную (защиты от внешнего и внутреннего насилия) и компетентность в осуществлении и прекращении насилия (знания и умения в области наказаний, их предотвращения, осуществления и завершения наказаний). Наименее сформированными моментами этой ком-

петентности являются защита от внутреннего насилия (самонаказаний и аутодеструкции в целом) и знания и умения в области предотвращения и прекращения насилия: человечество веками практикуется в осуществлении внешнего и внутреннего насилия, не будучи способным решить вопрос о его сущности, а также его процессах и результатах, возможностях и ограничениях. Опыт же войн и террористических актов к решению этого вопроса активно побуждает: и для того, чтобы помогать жертвам войн, и для того, чтобы избегать войн как таковых. Большинству ветеранов военных действий, переживших множественные трансформационные события, связанные с массовыми смертями и угрозами смерти, предательством и лишениями, полным нарушением человеческих прав и нравственных отношений, свойственны сходные нарушения внутреннего равновесия. Этот особый комплекс психологических проблем получил медицинское название «военный стресс» или, позднее, «синдромом посттравматического стресса».

В случае же войн с «сепаратистами», человека, столкнувшегося с противоречием нежелания убивать и необходимостью убивать, и разрешившего это противоречие в сторону «желания убивать», как правило, поглощает другое расстройство, предполагающее тотальное отчуждение от собственной человечности. Сознавая свои поступки как целенаправленные действия по достижению в разной мере общих, военных целей, эти люди не способны оценить их духовно-нравственный смысл, оценить себя как субъекта, реализующего эти поступки с точки зрения соответствия этому смыслу.

Частым феноменом становится – и у жертв, и у преследователей – феномен раздвоения или удвоения личности. Деструктивно направленная, опасная для себя и окружающих личность формируется в специфических условиях. Удвоения позволяют выжить в экстремальных ситуациях. К сожалению, коллизии данного уровня описаны и исцеляются длительно и скорее в практике духовно-религиозной, чем психологической, медицинской или социальной помощи. Они описаны, например, как одержимость, которая преодолевается через механизмы служения, епитимии и покаяния. В классической психиатрии, медицине и психологии эти состояния описаны и изучены гораздо меньше «посттравматического стрессового расстройства»: с социальной точки зрения боевики и прочие представители группы лиц, испытывающих желание и удовольствие убивать и насиливать, преследовать и травить окружающих, подлежат «уничтожению»: работа с военными и иными «должностными» преступниками по сути, не предполагается. При этом суть нарушения – отказ быть человеком, – остается вне внимания специалистов. Вместе с тем, общество потребления, ставшее ярлыком современной «цивилизации», превозносящей аномию и толерантность, физическое и социальное благополучие, является основой формирования того, что можно назвать социальный каннибализм: начинаясь как стремление и удовольствие уничтожать себе подобных в конкурентной борьбе за выживание и размножение, он перерастает в отказ признавать их людьми, и, завершающая стадия нарушения, – отказ считать человеком самого себя.

Данное нарушение, которое можно назвать «протравматическое стрессовое расстройство», сходно с симптомами самоповреждающего поведения. Можно предположить, что оно является формой компенсации состояний беспомощности и бессилия, пережитых и переживаемых человеком на протяжении всей его жизни: начиная с раннего детства заканчивая взрослостью. Не умея уйти от насилия, человек создает его бесконечные «круги» и «спираль». Спираль насилия, раскручиваясь, вовлекает в себя все новых участников, в том числе тех, кто выполняет функции «финальной ситуации» для того, кто ее активировал. По сути говоря, протравматический стресс имеет целью самоуничтожение человека и окружающих его лиц. Посттравматический стресс, напротив, – выживание человека и окружающих его лиц. В протравматическом стрессе искажены, таким образом, сама цель и сопутствующие ей ценностно-смысловые аспекты переживаний и поступков личности. В посттравматическом – нарушены не столько целевые, ценностно-смысловые, сколько «психотехнические» аспекты переживаний и поступков человека. Посттравматический стресс преодолевается, поэтому, через осознание человеком и поддержку окружающими его осознания цели переживаний и поступков в трансординарной и посттрансординарной ситуации – «выживание» [8; 9]. Протравматический стресс – через тотальное преобразование базовых смыслов жизнедеятельности человека. К сожалению, такое преобразование часто невозможно: в помощь такому человеку могут оказаться неготовыми и немотивированными ни государство, ни специалисты, ни сам человек, которому проще умереть, чем измениться. Кроме того, ряд переживших протравматические стрессовые события вполне спокойно продолжают жить после них: общество потребления с его аномией и псевдотолерантностью, представляет собой оптимальную среду жизни, не побуждающую человека к раскаянию и не ставящую перед ним иных задач, кроме тех, которые он привык ставить: выживание за счет других людей. Возможно в этом и секрет малой изученности таких нарушений и их носителей: начинающиеся исследования буллинга (травли) и «сталкинга» (преследования) слишком фрагментарны, чтобы осмыслить весь масштаб происходящего насилия, даже на примере отдельной личности или группы. До той поры, пока не будет поставлен вопрос о повсеместности насилия и культуры насилия, пока насилие будет полагаться «законным атрибутом» власти и «незаконным атрибутом» в отношениях людей, в нее не включенных, войны, террористические акты и иные формы массового и индивидуального насилия под разными предлогами, будут процветать.

Центральным моментом реабилитации человека и общества в целом является осознание сути насилия в жизни человека, его роли в развитии или деструкции самосознания личности. М. Бланшо по этому поводу пишет: «...между человеком нормальным, загоняющим садиста в тупик, и садистом, который превращает этот тупик в выход, располагается тот, кто знает больше других об истинном своем положении и обладает более глубоким его пониманием, поэтому он способен помочь нормальному человеку осознать самого

себя, содействуя ему в изменении условий всякого осмысления» [10]. Протравматическое стрессовое расстройство включает весь комплекс последствий и причин насилия по отношению к себе и миру: субъект протравматического расстройства – одновременно и жертва, и преследователь. Именно с этим связаны феномены типа «стокгольмского синдрома»: неумелая, но попытка понять преступника заложниками, найти с ним общий язык и даже помочь – выжить, вопреки его собственному желанию уничтожить – мир и себя. Важно, что вследствие нанесенной правонарушением психологической травмы, предубеждений и негативных переживаний у жертв войны и военных преступников часто теряется способность адекватно анализировать конфликтную ситуацию с разных сторон. Каждый объясняет свои действия из своей «точки» начала конфликта как ответ на действия другого и каждый считает себя правым и жертвой агрессии другого. Для травмированного ситуацией человека становится доминантным стремление к мести и наказанию либо к избеганию наказания и ответному обвинению. Ситуация как «черная дыра» стягивает сознание в «болезненную точку» со стремлением оправдаться, отомстить, сделать вид, что ничего не произошло и т. п., что он и другие – не люди (не достойные люди) и т.д. Для того чтобы разобраться, нужен сторонний человек, который создает пространство, в котором люди могут вернуть себе контроль над конфликтными взаимоотношениями: кто-то из близких и уважаемых людей или специалист – ведущий программ восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций.

Пока не произошли изменения в «пространстве понимания», сложно ожидать реальных изменений в «пространстве принятия решений»: обидчик и пострадавший, даже не будучи знакомы, могут неожиданно оказаться в особого рода ситуациональном взаимодействии, позволяющем открыть не только тайны внутренних и внешних войн и их переживания, но и те тайны души, которые лежат в их основе. Осознание и примирение основываются на безусловном уважении жизни человека, человеческих взаимоотношений и общества, духовной, а не только материальной, долговременной и имманентной, а не только случайной и краткосрочной связи людей, учета религиозных, культурных, политических различий в образах жизни. Обе стороны могут влиять друг на друга непосредственно, получая шанс на разрешение конфликта, возникшего в результате неправомерного ошибочного поведения (поступка) одной или обоих сторон. Идеальный результат реабилитационной работы в парах «жертвы – преступники» состоит из двух шагов. Сначала преступивший законы человека и Бога выражает стыд и искреннее раскаяние в своих действиях. Потом – жертва в ответ предпринимает, по крайней мере, первый шаг на пути

к его прощению. Эти два шага являются «восстановительными действиями», они способствуют воссозданию разрушенных преступлением отношений между жертвой и правонарушителем, между нациями и странами. Без «восстановительных действий» какое бы соглашение ни было достигнуто, оно не снижает напряжения и оставляет участников с чувством неудовлетворенности, корни нарушения остаются нетронутыми [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17].

Развитие человечества предполагает, кроме прочего, культуру отношения к насилию (культуру насилия): умение помогать тем, кто в современном мире становится преступником, не имея шансов на изменение и осознание сделанного и умение преодолевать последствия насилия для «жертв» и «преступников», создавать и развивать безопасные отношения, лишенные насилия, формирующие или восстанавливающие безопасную личность, . Осознание и изменение возможны там, где сформирована культура насилия: понимание его неизбежности и функций вместо бессмысленных «табу» на любое обсуждение реальности его неизбежности и встроенности в систему человеческих отношений. Так же, как и инстинкт смерти, «инстинкт насилия» должен и может быть осознан и трансформирован, в том числе – в социально одобряемые формы Общество и жертвы войн и катастроф же нуждаются в обратном: искреннем, реалистичном понимании произошедшего и принятии опыта насилия и его последствий – в себе и окружающих. Круг насилия может быть разомкнут: в помощи нуждаются не только жертвы, но и «преследователи», а также, как показывают исследования и практика дебрифинга – «спасатели» [6]. Восстановительная работа, таким образом, включает процедуры формирования и реформирования культуры насилия личности и группы (общности).

Выводы. Длительное пребывание и осуществление деятельности в экстремальных условиях приводят к истощению психологических ресурсов человека. Условия дефицита ресурсов психологической защиты приводят к росту агрессии, т.к. вследствие своей реактивной природы она легко активизируется распространяется [18; 19; 20; 21; 22; 23]. Поэтому помочь в исцелении состоит не в самой по себе (ре)адаптации человека, ставшего опасным для себя и окружающих, к обыденным социальным нормам, но в том, чтобы помочь человеку примириться с самим собой и людьми, увидеть себя таким, как есть на самом деле и, внося изменения в свою жизнь, действовать не вопреки своей индивидуальности и жизни, не игнорируя ошибки и преступления – против себя, мира, а в согласии с жизнью, открывая новые возможности и перспективы, через поддерживаемую собственную безопасность создавать безопасность жизни других. Обретение мира в своей собственной душе позволяет человеку

обнаружить новые, более адекватные и адаптивные способы защиты от травматических событий и способы совладания с тяжелыми переживаниями и стрессами. Разомкнуть круг насилия и защищаться о него впоследующем.

Огромный опыт работы с пережившими кризисные ситуации людьми накоплен в работах практических психологов, занимающихся проблемами психологического и физического (в том числе сексуального) насилия, проблемами психологического выживания и трансформаций личности, связанных с пребыванием человека в зоне военных действий, участием в них, а также в рамках исследований, посвященных психологической реабилитации пациентов, перенесших смертельно опасные заболевания (рак и т.д.). В любом из этих случаев проявляется универсальная закономерность: необходимость разделения «сфер влияния» объективной (физической, внешней) угрозы или травматической ситуации и зоны, поддающейся потенциальному контролю со стороны самого человека, требующей прощения и исправления и не могущей быть исправленной [24; 25; 26; 27; 28; 29; 30]. Продуктивное переосмысление травматического опыта, преобразование посттравматического и протравматического стрессов предполагает существенное изменение временного ракурса его анализа: переориентация с поиска объективно несуществующих внутренних причин (прошлого) произошедшего на построение моделей будущего, с «Почему?» на «Зачем?»

Список литературы

1. Золотарева Т.Ф., Минигалиева М.Р. Проблемы социально-психологической помощи жертвам террора. – М.: Изд-во МГСУ, «Союз», 2002. – 256 с.
2. Котик М.А. Психология и безопасность. – Таллин., 1981. – 320с.
3. Хойос К.Г. Психология безопасности взамен традиционной проблемы аварийности. // Иностранная психология. – 1995. Т. 3. №5. – 45-56.
4. Арпентьева М.Р. Современный фашизм и социальное служение // Вестник Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. – 2015. – №2. – С.30-46.
5. Арпентьева М.Р. Современный фашизм и Россия: 70 лет спустя // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы Междунар. научной конф.. 25-26 сентября 2015 г.– Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2015. – Ч. 2. – С.259-269.
6. Флиер А.Я. Культурные основания насилия / А.Я. Флиер // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 19–25.
7. Магомед-Эминов М.Ш. Экзистенциальная ситуация уцелевшего // 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии.- М.: Смысл, РПО, 2001. – С.35-36.
8. Dyregrov A. Caring for helpers in disaster situations // Disaster Management. – 1989. – V.2. – P.25–30.
9. Zehr H. Changing Lenses. – Scottdale, PA: Herald Press, 2005

10. Бланшо М. Сад. // Маркиз де Сад и ХХ век / Сост В.В.Рыклин. – М: РИУ «Культура», 1992. – С.47-88. – С.52.
11. Арпентьева М.Р. Этические проблемы ювенальной и матуральной юстиции // Научные труды РАЮН. – 2015. – Выпуск 15. – С.29-35.
12. Арпентьева М.Р. Восстановительная юстиция: особенности и перспективы // Советник юриста. – 2015 – №9. – С.3-11.
13. Арпентьева М.Р. Доктрина понимания и деятельность социального работника в ювенальной юстиции // Советник юриста. – 2015. – №10. – С.58-76.
14. Braithwaite J. Crime, Shame and Reintegration. – Cambridge. UK: Cambridge University Press, 1998.
15. Bush R.A.B. The Promise of Mediation Responding to Conflict Through. – San Francisco: Jossey-Bass, 1994.
16. Fattah Ez. Towards a victim policy aimed at healing, not suffering // Victims of crime / Eds. by A. J Lurigio. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.
17. Gold L. Influencing Unconscious Influences. The Healing Dimension of Mediation // Mediation Quarterly. – 1993. – 11 (1). – P. 55-66.
18. Austin L.S., Godleski L.S. Therapeutic approaches for survivors of disaster // Psychiatr.clin. North America. – 1999. -Vol.22, N4. – P.897-910.
19. Davidson L.M., Baum A. Chronic stress and post-traumatic stress disorders // J. of Consulting and Clinical Psychology, 1986. – 54. – P.303-308.
20. Dregrov A. Caring for helpers in disasters situations psychological debriefing // Disaster management. – 1989- №2. – 25,30.
21. Disasters: Planning for a caring response. – Part 1,2. – L.: HMSO, 1992. – 230p., 240p.
22. Hodkinson R , Stewart M.Coping with catastropha. A handbook of disaster management. – L.,N.-Y., 1991. – 380p.
23. Ursano R.J. Fullerton C.S., Vance K., Posttraumatic stress disorder and identification in disaster workers // Am. j. psychiatry.- 1999.-Vol.156, N3.- P.353-359.
24. Нколс Т. Глобальный обзор реакции человека на стихийные бедствия: землетрясения // Стихийные бедствия: изучение и методы борьбы. – М.: Прогресс, 1978. – 310с.
25. Падун М.А., Котельникова А.В. Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 206 с.
26. Пергаменщик Л.А., Пузыревич Н.Л. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. Практикум. – Минск: Изд-во Гревцова, 2012. – 340 с.
27. Попов В.Е. Психологическая реабилитация военнослужащих после экстремальных воздействий. – Автореф. канд. психол. наук. – М., 1992. – 20с.
28. Предотвращение, спасение, помощь: Материалы науч.-практ. конф., 12 янв. 2000 г. – Йошкар-Ола, 2000. – 107 с.
29. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под. общей ред. Ю. С. Шойгу. – М.: Смысл, 2007. – 319 с.

30. Смирнов Б.А., Долгополова Е.В. Психология деятельности в экстремальных ситуациях. – Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007. – 292 с.

Арпентьева М.Р., профессор
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

ПРОБЛЕМАТИКА ДЕФОРМАЦИЙ ЛИЧНОСТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И КОРРЕКЦИЯ

Статья посвящена проблемам деформаций личностной безопасности сотрудников МЧС. Рассматриваются вопросы воспитание и восстановления «личности безопасного типа», а также трансформации личностей опасного типа: действия которых привели и могут привести в дальнейшем к более или менее массовому насилию и иным преступлениям, ЧС. Рассматриваются понятия «культура насилия», «протравматический стресс» и посттравматический стресс», способы коррекции этих стрессовых состояний и формирования грамотного отношения к насилию (его культуры). Обсуждаются вопросы возможностей и ограничений психологической реабилитации лиц опасного для себя и окружающих типа.

Ключевые слова: безопасная личность, реабилитация, прощение, понимание, психологическая помощь, стресс.

Arpentyeva M.R., professor
**THE PROBLEM OF DEFORMATION OF PERSONAL SECURITY:
PHENOMENOLOGY AND CORRECTION**

The article is devoted to deformations of the personal safety of emergency workers. Discusses issues education and recovery «of the identity of safe type» and the transformation of dangerous personalities: the action which has led and may lead in future to more or less mass violence and other crimes, emergencies. Discusses the concept of «culture of violence», «protraumatic stress» and post-traumatic stress», methods of correction of stress conditions and the formation of a correct attitude towards violence (its culture). Discusses the capabilities and limitations of psychological rehabilitation of persons dangerous to themselves and others type.

Keywords: safe personality, rehabilitation, forgiveness, understanding, psychological assistance, stress.